

Арина
Ларина

Дюймовочка
Крупного
Калибра

Арина Ларина

Дюймовочка крупного калибра

«ЭКСМО»

2008

Ларина А.

Дюймовочка крупного калибра / А. Ларина — «Эксмо», 2008

© Ларина А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Арина Ларина

Дюймовочка крупного калибра

Начать себя ненавидеть очень просто. Сначала надо внимательно всматриваться в то, что отражает зеркало, с отвращением кривя губы и содрогаясь от собственного несовершенства. Внимательно инвентаризируя обнаруженные недостатки, нужно изо дня в день проверять их наличие, выучивая как молитву и повторяя сей изумительный список перед сном. Далее следует периодически уточнять у знакомых, действительно ли глазки «поросячки», жир складками, а целлюлит бугрится так, что виден даже через пальто. Не исключено, что допрашиваемые будут сопротивляться, пожимать плечами и категорически отрицать очевидное. Ни в коем случае не стоит покупаться на их льстивые речи. Однажды найдется честный человек, который не только подтвердит вашу правоту, но и добавит в перечень свидетельств ущербности новые пункты, о которых вы, будучи о себе слишком высокого мнения, даже не догадывались.

Серафима Разуваева ненавидела в себе все: простецкое щекастое лицо, пегие волосы, после мелирования ставшие похожими на старую мочалку, большие крестьянские руки, широкую талию, рыхлое тело и по-мужицки крупные ступни.

Почему кто-то может носить изящные туфельки на хрупкой шпильке, а Сима обречена шлепать в баретках на низком стариковском каблуке? Да еще тридцать девятого размера! Нет в мире справедливости. Нет!!!

Настырные переливы звонков горохом раскатывались по операторской. За окном мотались крупные хлопья снега, тяжелое серое небо застыло над заледеневшим городом. Новогодняя ночь со всеми ее мечтами, надеждами и планами осталась позади, о минувшем празднике напоминали лишь остатки мишуры, налипшие на жалюзи, и наполовину разобранный пластмассовая елочка, лежащая в углу.

Телефонная панель, словно бомба замедленного действия, тревожно семафорила красными огоньками, натужно подвывал ксерокс, плюясь копиями документов, из угла слышалось вульгарно-кокетливое хихиканье, редела кофеварка, рожавшая очередную порцию кофе, за дверью сипло и пронзительно орал шеф. Его непарламентское выступление было настолько громогласным, что периодически перекрывало какофонию офисного гама.

– Бедлам, – печально констатировала Серафима, обреченно нашаривая под столом снятые туфли.

Здесь все было привычным, набившим оскомину и напоминало фильм «День сурка». Даже туфлю, как обычно, не удалось поддеть ногой и пришлось лезть под стол. Девушкой мадемуазель Разуваева была корпулентной, а посему процедура поиска обуви вызывала у нее глухое раздражение. Впрочем, как и сама обувь. За системным блоком притулились зимние сапоги в белых соляных разводах, разношенные и убогие. Сима скорбно скосила глаза, пытаясь разглядеть свои ступни, и пошевелила пальцами – лапти. Разве у девушки могут быть такие ноги?

Горестно вздохнув, Серафима задвинула сапоги поглубже.

Вот ведь невезуха!

Но особой бедой двадцатисемилетнего диспетчера Разуваевой была огромная грудь, вмещавшаяся лишь в колхозно-атласные лифчики чудовищных фасонов. Именно на это горе и клевали примитивные самцы, замороженные габаритами. Кому-то охота хоть раз в жизни съесть устрицу, кому-то – прыгнуть с парашютом или нырнуть с аквалангом, а кому-то – хоть

раз переспать с обладательницей именно такого бюста, чтобы было о чем вспомнить на старости лет. Как богач, опасаящийся, что любимая девушка отдает руку и сердце не ему, а его кошельку, Серафима всех изредка намечающихся кавалеров подозревала в физиологической корысти. А хотелось любви, про которую писали книги, снимали фильмы и врили знакомые. В общем, куда ни плюнь – сплошное расстройство и неудовольствие. Скорее всего, где-то там, наверху, ответственный за раздачу сбился при распределении женских чар, капитально обделив невезучую Серафиму по одной позиции и через край облагодетельствовав – по другой...

– Фима, что у тебя с телефонами! – раздраженно крикнула из угла Лиза Симбирцева. Она отвлеклась от флирта с новым программистом и с негодованием уставилась на круп сотрудницы, склонившейся к полу с грацией векового дуба. – Может, соблаговолишь ответить на звонки?

– Может, и соблаговолю, – индифферентно отозвалась из-под стола Серафима. Она разглядывала туфли и прикидывала, что в принципе если купить такие же не на шпильке, а просто на высоком каблуке, то фигура будет выглядеть стройнее. Хотя при ее росте еще и высокий каблук – гарантированное сужение круга претендентов на звание возлюбленного до минимума. Какой мужчина захочет иметь рядом девицу, смотрящую свысока в буквальном смысле?

Про Лизу Серафима старалась не думать, старательно утаптывая в душе темный разбухающий ком ненависти.

«Начальница. Знаем мы, почему ты начальница, – такие мысли роились в Симиной голове. – Ни мозгов, ни воспитания. Только доступность тела в любое время в любом месте. А гонору! Возомнила себя пупком земли».

О том, что Лиза периодически уезжает из офиса вместе с шефом, знали все. Зачем уезжает – не знали, но догадывались. Тут особого ума не надо, особенно если знать о стремительном продвижении Симбирцевой по службе. То ли это скороспелая карьера грейдером проехала по характеру юной секретарши, сравнив все человеческое с землей и превратив Лизу в циничную стервочку, то ли она с самого начала таковой и являлась, так или иначе – работать под ее началом было невыносимо. Лиза была хорошенькой крепенькой брюнеткой с нежно-розовым румянцем, бровями взлет, пышными кучерявыми волосами и надменным взглядом. Временную близость к начальству она ошибочно принимала за удачный старт, а ставшее следствием этой близости повышение по службе – признанием собственной исключительности. Серафиме было даже жаль эту Лизу. Иногда. Потому что диспетчером она здесь работала уже семь лет, и это была четвертая такая «Лиза» на ее счету. Виктор Николаевич Бобриков, директор и хозяин фирмы, был страсть как охоч до дамского пола, особенно до юных девиц, благосклонно прощавших ему и лысину, и низкорослость, и скандальный нрав. Как правило, однажды блудливого шефа в очередной раз подлавливала супруга – и секретаршу увольняли, а сам Бобриков во искупление вины вез семейство в экзотическое путешествие.

Но чаще Сима не жалела Лизу, а бурлила от негодования, бдительно скрывая эмоции от посторонних. Симбирцева была на удивление пакостной особой, по-видимому, получавшей наслаждение от скандальных ситуаций. Поняв, что Серафима терпеть не может, когда ее называют «Фимой», Лиза начала обращаться к ней именно так, и никак иначе. Бесконечные соблезнования по поводу фигуры и советы насчет диет Симбирцева предпочитала озвучивать непременно при свидетелях, желательно – мужчинах. Если Серафима приходила в обновке, то начальница непременно смотрела на нее долгим взглядом, полным сострадания, и, дождавшись, пока у кофеварки соберутся сотрудники, деликатно советовала сменить стиль одежды, так как нынешний «укрупняет», «не скрывает» и «подчеркивает» то, что лучше бы занавесить, как старую облупленную печь в деревенской избе. А кроме всего прочего, девица еще и «стучала» как ополоумевший дятел. Она докладывала шефу абсолютно все: кто сколько проводит времени в «курилке», кто пьет дармовой кофе чаще, чем положено, кто опоздал, кто ругал, кто использовал телефон в личных целях и так далее. Больше всех доставалось Серафиме, так

как она постоянно была у Симбирцевой на виду и по неизвестной причине вызывала у той наиболее острое чувство неприязни.

Можно было ругаться, скандалить, можно было даже врезать пару раз, благо воспитание позволяло, и в этой дуэли сразу было бы ясно, кто выйдет победителем. Но Серафима предпочитала снисходительно улыбаться, поскольку именно такая реакция выводила Елизавету из себя и не позволяла остальным сотрудникам сделать окончательные выводы относительно чьей-то правоты. Обычно логика человеческих отношений подсказывает: не прав тот, кто орет и хамит. Именно поэтому незаслуженно оскорбленные и пытающиеся оправдать поруганную честь истеричными воплями в адрес обидчика выглядят в глазах окружающих крайне непривлекательно. Чем громче кричишь, тем меньше тебя слушают. Поэтому Сима предпочла демонстративно игнорировать нападки коллеги, снисходительно улыбаясь, когда Симбирцева доводила ее особенно изощренно. Так улыбается крестьянин, глядя на бестолковую курицу, с воплями носящуюся вдоль плетня в поисках выхода на свободу. Или хозяйка с мухобойкой в руке, наблюдающая за мухой, бьющейся о стекло рядом с раскрытой форточкой.

Так они и жили, как два скорпиона в одной банке.

– Фима, ты там застряла? Или заснула? – Лиза с презрением наблюдала за возней Разуваевой.

Программист подобострастно и одобрительно хихикнул. Это был первый рабочий день Вовы Хрящикова, и мама очень четко проинструктировала единственного сына касательно генеральной линии поведения в новом коллективе. Согласно маминым установкам надо было изначально прибиваться к вожакам стаи, ибо каждому известно, что любой коллектив делится на стаи. При этом желательно прибиться ко всем вожакам сразу, проявив чудеса дипломатии и такта. Мама работала в огромном умирающем НИИ и знала об интригах, стаях и подковерной борьбе все. Свои бесценные знания она передавала Вове, который не мог удержаться ни на одном рабочем месте дольше испытательного срока. Вполне возможно, что не последнюю роль в данном прискорбном факте играло применение на практике маминых советов. Хрящиков был отличным программистом, но никак не дипломатом, поэтому балансировать на позиции «и нашим, и вашим» ему удавалось лишь за счет грубой лести и прямого подхалимажа, кои достаточно быстро приедались представителям всех противоборствующих лагерей.

Девушки Вову Хрящикова не любили за все сразу: за низкий рост, тощеватую фигуру, маленькую зарплату и судорожное желание во что бы то ни стало понравиться. Отсутствие личной жизни угнетало Вову даже больше, чем регулярные падения с первой ступеньки карьерной лестницы. Без женской ласки у него портился характер, и на поверхность трепетной натуры вылезали вулканические прыщи. Хрящиков был черняв, лопоух и лупоглаз, что чрезвычайно портило ему жизнь. С такими исходными данными он неминуемо должен был найти общий язык с Серафимой, которая тоже считала свою жизнь безвозвратно испорченной внешними дефектами организма. Но Вова, науськанный мамой, сразу же разглядел «главную» в наглаватой Лизочке и начал процесс сближения, тем более что та благосклонно улыбалась свежеспеченному сотруднику. Кроме всего прочего, Лиза подходила истосковавшемуся без половой жизни Хрящикову и по росту. Именно поэтому Вова и совершил очередную, но не последнюю в своей жизни ошибку, решив дружить «против Фимы».

Серафима не любила подхалимов. Мелких мужчин она не любила тоже. Своим существованием они лишь подчеркивали ее лишние сантиметры, заставляя чувствовать себя водонапорной башней, по недоразумению сорвавшейся с места и пожелавшей прогуляться по городу. Высокая девушка комплексует рядом с низкорослым спутником ничуть не меньше кавалера, не дотягивающего ей до подбородка. И еще неизвестно, кому морально тяжелее в таком тандеме.

Как обычно, снисходительно улыбнувшись Симбирцевой всепрощающей улыбкой воспитателя в интернате для слабоумных и заодно поставив на место новенького, съездившегося под

Симиным внимательным и сочувственным взглядом, мадемуазель Разуваева величественно поднялась с места и вышла из помещения, вежливо прикрыв за собой двери.

– Ты куда? – запоздало взвизгнула Симбирцева. – А телефоны?

Серафима, будучи крайне ответственной и исполнительницей сотрудницей, никакой вины за собой не чувствовала. Согласно должностной инструкции Лиза хоть и была начальницей, но тоже являлась диспетчером, так что не грех было иногда делиться обязанностями.

– Симочка, звезда моя, все цветешь! – по коридору, разлаписто загибая пространство и заполняя богатырским телом весь проход, надвигался водитель шефа, Михаил Владленович. Крепкий жизнерадостный здоровяк пятидесяти трех лет, дважды муж и четырежды дед, он был единственным мужчиной в Симиной жизни, который, боготворя ее формы, не посягал на них в открытую и всякий раз виртуозно избегал скандала с рукоприкладством, «ненароком задев» неприступную барышню. А задевал он Серафиму почти ежедневно, обращая все в шутку и из последних сил делая вид, что воспринимает все не более чем забавный ритуал. С одной стороны, это злило невероятно, а с другой – Сима подсознательно стыдливо понимала, что рада даже этому дурашливому кавалеру, таким незамысловатым способом напомиравшему одинокой девице на выданье о ее половой принадлежности. Хотя бы изредка за женщину должен кто-то держаться именно как за женщину, потому что хочется, а не потому, что не дотянутся до поручня в час пик или в поиске чего-то монументально-надежного, чтобы не вывалиться из переполненного вагона метро. Дядька был вменяемым и лишнего себе не позволял, хотя явно хотел именно этого «лишнего». Это был флирт, обреченный на бесперспективность и безрезультатность.

– Куда ты, лань моя пугливая? – Как обычно Михаил Владленович не дал Серафиме проскользнуть вдоль стены, и они с грацией двух слонов вlepились в дверь бухгалтерии. По зданию пошла легкая вибрация, а из кабинета выглянула главбух. Поправив очки, она пару секунд фокусировала взгляд на слипшихся в огромный ком коллегам, после чего, понимая протянув «а-а-а», скрылась. По умолчанию считалось, что у водителя с диспетчером роман. Серафима сей факт категорически и с возмущенным смехом отрицала, а Михаил Владленович многозначительно отмалчивался и таинственно ухмылялся, укрепляя сотрудников в их безосновательных подозрениях.

– Куда бежишь, малышка? – Он уперся руками в стену, не позволяя уйти, но одновременно и не давая Серафиме повода поскандальить. При этом обращался Михаил Владленович исключительно к Симиному бюсту, внимательно и любовно оглядывая богатство, прикрытое кружевной блузкой и втиснутое в темно-синий пиджак. Наверное, по физиономии Михаил Владленович не получал еще и потому, что это так здорово, когда на твои сто восемьдесят сантиметров роста и восемьдесят кило веса кто-то может посмотреть сверху вниз и назвать этот комплект «ланью» или «малышкой». Был бы дыхатель помоложе и посвободнее...

– В туалет, – не поддалась на его романтический настрой Сима.

– Ну беги. Не расплещи только, – заботливо напутствовал Михаил Владленович.

Фыркнув, Серафима стремительно двинулась вдаль, стараясь потише топтать и выразительнее вилять бедрами. И то, и другое получалось не очень. Острое сожаление об отсутствии изящных каблучков снова впилося в сердце и сформировало четкое решение: вечером в магазин!

Тратиться на обувь не хотелось. И денег было жаль, и не верилось, что каблучки на самом деле скрасят безобразный облик. Хотя бабушка давно намекала на смену имиджа, презрительно именуя Симины обувь чоботами и галошами. Именно она, а не внучка бдительно следила за новинками моды и внимательнейшим образом наблюдала за показами сезонных коллекций по ТВ, не забывая, впрочем, критиковать тщедушность моделей:

– На женщине должно быть мясо. Во всех местах. Если мяса нет – это не баба, а полуфабрикат, не годный к употреблению.

Серафима, сколько себя помнила, всегда жила с бабушкой, даже когда были живы родители. Анфиса Макаровна водила ее в сад, потом в школу, потом пристраивала в институт, от обучения в котором остался диплом и ясное осознание того, что по специальности химика-технолога Сима работать не будет никогда. Анфиса Макаровна не возражала. Она вообще редко возражала, уважая мнение внучки и ее свободу. Никакого консерватизма или авторитарности в их семье отродясь не было. Наоборот, бабуля была настолько шепутной и жизнерадостной, что Серафима на ее фоне казалась выпускницей института благородных девиц. Сдобная, приземистая, похожая на колобка Анфиса Макаровна катилась по жизни легко и беззаботно. Конечно, легкой ее судьбу назвать было никак нельзя, а вот реакция на все передраги у бабули была поверхностной.

– Никогда не закливайся на проблеме. Проблема – это яма, трясина. Чем дольше топчешься, тем глубже засасывает. Учись перешагивать и уходить, не оглядываясь. Обидели – пожалей обидчика, ему судьба все вернет по заслугам. Потеряла кого – иди дальше, еще найдешь. Ошиблась, виновата – исправь сразу, нельзя исправить – уходи, всегда дается возможность искупить вину позже! – Анфиса Макаровна была женщиной мудрой и мудростью этой с удовольствием делилась с внучкой.

Серафима бабушку понимала далеко не всегда, но любила и прощала, как можно любить и прощать единственного близкого человека на земле.

Именно бабушка подарила ей первую косметику, посоветовала проколоть уши и даже подарила на восемнадцатилетие пачку презервативов. С подарком бабуля припозднилась, но Симе стало легче: демонстрация лояльности Анфисы Макаровны по отношению к ее личной жизни и неминуемым ошибкам удалась.

Бабушка вела столь активный образ жизни, что Серафиме иногда становилось стыдно за то, что она так бездарно транжирит свою молодость. Анфиса Макаровна то посещала какие-то кружки и сборища, тяготеющие к мистике, то затевала немислимые аферы со сватовством окружающих дам, включая и засидевшуюся в девках внучку, то бросалась в пучину бизнеса, то боролась за справедливость путем участия в пикетах у мэрии, то вдруг увлекалась темой спорта. Сама бабуля вследствие чрезмерной тучности спортом не занималась, зато была азартной болельщицей. Когда однажды Анфиса Макаровна явилась домой за полночь в трехрогой шапочке цветов местного футбольного клуба да еще с таким же флагом, Сима вдруг поняла, что завидует. Она не умела радоваться жизни, хотя и пыталась.

– Просто в твоей жизни еще не случилось ничего такого, что могло бы сделать тебя счастливой, – сказала тогда бабуля. – У тебя все еще впереди, как я тебе завидую. Однажды ты поймешь, что такое праздник. Лучше, когда праздника ждешь, чем когда он уже миновал и надо убирать конфетти, мыть посуду и тешить себя воспоминаниями.

Серафима тогда пробурчала нечто неопределенное, мол, запросто можно и разминуться с ожидаемым торжеством, на что бабушка резонно возразила, что нечего сидеть и ждать. Надо действовать. Это все была теория, а на практике действовать не получалось. Да и не хотелось. Сима не ждала принца с белым замком на берегу моря и не надеялась на сказку. Сказки имеют обыкновение заканчиваться, принцы превращаются в стареющих обрюзгших королей, а замки ветшают. Нет, ей хотелось любви, спокойной, взвешенной и надежной, чтобы родился ребенок, чтобы муж был верным и заботливым, чтобы все были здоровы и так далее. Этих банальных мыслей она стеснялась и никому их не озвучивала. Бабушка точно не поняла бы такого упаднического настроения, а подруги начали бы поучать и насаждать свое видение мира. Мечтать о высоком и красивом можно вслух, а о банальном и простеньком – про себя.

– Если уж и покупать обувь, то дорогую, – науськивала себя Сима, заглушая вопли поднимавшейся из глубин сознания жадности. Житейская мудрость подсказывала, что шмотки – суть быстротечное, тлен, мошка на фоне вечности, а человек должен быть прекрасен душой. Жаль, мужчины первым делом окидывали взглядом оболочку, и если увиденное не удовлетворяло их высоким требованиям, то до души дело не доходило. Приходилось мириться с действительностью и украшать реальность, данную нам в ощущениях, занавешивая ее яркой мишурой и блестками, словно плешивую новогоднюю елочку.

– Имею право, – убежденно сообщила Серафима сама себе, подталкивая тело к бутику. – Почему бы и нет? Я же не школярка, у которой нога завтра вырастет на два размера. Куплю что-нибудь за пределами дорожущее и буду носить до старости. В них и похоронят.

На этих энергичных размышлениях, словно на помеле, она подлетела к витрине, похожей на вход в рай. Рай был женским, безмерно дорогим и социально-чуждым. Невидимое стекло предательски отсекало сверкающее великолепие стеллажей от Серафимы. Она бодро прошагала мимо дверей, кляня себя последними словами. Подвиг не удался. Оставался еще один шанс – отовариться в торговом комплексе рядом с домом. Там работала давняя подруга Зоя, которая могла поспособствовать не только выбору нормальной модели, но и выбить скидку. Хотя если задуматься, то какой смысл покупать еще одни дешевые сапоги? Задумываться не хотелось, тем более что даже дешевые сапоги хотя бы какое-то время побудут новыми. Плюс не так жалко будет выбрасывать, если затея с каблуками не найдет поддержки у организма. Бросив прощальный взгляд на изящные модели, по ширине голенища больше напоминавшие перчатки, нежели сапоги, Сима двинулась к метро.

– Симона! – радостно прогудела Зойка, расплывшись в приветственной улыбке. – Решила прикупить трусы с люреком? Есть кому показать? Смотри – отобью.

Зоя Чугунова была массивной и низкорослой, как диван. Весила она тоже как диван и ровно настолько же была домашней и уютной. Рядом с Чугуновой постоянно вились мужчины, как оводы в жаркий день. При тотальном дефиците сильного пола Зоина востребованность казалась феноменом вроде Тунгусского метеорита. Красивой Чугунову назвать было никак нельзя, даже с сильным натягом: маленькие близко посаженные глазки, всегда густо подведенные и разукрашенные тенями павлиньих тонов, мясистый нос, белесые брови и вытравленные химией волосы, собранные на макушке в тощий пучок. В дополнение к вышеперечисленным достоинствам Зойка была невероятно контактной и обожала латиноамериканские сериалы с лубочными страстями. Именно поэтому Симу она называла Симоной, их общую подругу Ингу – Инессой, а себя – Зизи. Чугунова жила мечтой о мексиканском красавце, а потому отдавала предпочтение жгучим брюнетам. Увы, но до сих пор еще ни один брюнет не оправдал чугуновских надежд в полной мере, поэтому Зизи продолжала находиться в поиске.

– Зой, я хочу туфли, то есть нет, сапоги на каблуке, – стесняясь, призналась Сима после того, как Зойка облобызала ее и наврала, что Серафима сильно похудела.

– Жесть, – резюмировала Чугунова. – Ты на каблуках, а Клава Шиффер отдыхает. Я всегда говорила, что тебе надо идти в модели. Жрала б поменьше, сейчас бы по подиуму вихлялась и нас бы с Инессой пристроила в зрительный зал. У вас там олигархи пачками ходят.

– У нас там – это где? – развеселилась Сима. – И что за намеки про «жрала»? Сама же только что сказала, что я похудела.

– Во-первых, я просто хотела сделать тебе приятное. Никогда не верь, особенно в комплименты. А во-вторых, сколько слону ни худеть, жирафа из него не получится.

– Спасибо, дорогая.

– Да пожалуйста. Обращайся. Погоди, сейчас пойдем за сапогами. Нинка! – Чугунова вдруг гаркнула так, что у Симы в ухе что-то лопнуло и тихо зазвенело. – Пригляди, чтобы у меня чего не сперли!

Появившаяся из глубины подсобки напарница Нинка ответила неохотным согласием, и подруги двинулись в соседний отдел.

В обувном отделе маялась рыженькая продавщица, раздраженная до крайности. Причиной ее раздражения явно был печальный худой усач, в отчаянии разглядывавший собственную ногу в высоком зимнем ботинке.

– Мужчина, вам идет. И моделька удобная, и цена хорошая.

– Какой-то стиль совсем молодежный, – понуро бубнил дядька.

– Так и вы, чай, не старик, – вымученно улыбнулась рыженькая. Судя по количеству распакованной обуви, покупатель сидел тут давно и страдал от широты выбора.

– Не старик, но и не соплик какой-нибудь, – солидно хорохорился усач. – Дайте-ка те, вишневые.

– Так-с, юноша, подвиньтесь. – Зойка заполнила своим обаянием, голосом и пышным телом все пространство магазинчика. – Симона, садись. Лилька, это моя подруга, ее надо ошастливать сапогами на каблуке. Ну, ты понимаешь.

– Понимаю, – оживилась продавщица, переключившись на вновь прибывшую. Дядька тоже уставился на Симу во все глаза. Он сидел на самой краешке скамьи, поджав тощие ноги в бордовых носках, и следил, как Серафима стаскивает ботинок.

– Стриптиза не будет, – хохотнула Чугунова. – Во всяком случае, тут. А дальше – как договоритесь.

– Зойка! – покраснела Сима, украдкой покосившись на соседа. Тот тоже заалел, как свежий помидор, и смущенно заерзал.

– Вот, – пресекла зарождающийся обоюдный интерес Лилька. Она сунула Серафиме замшевое нечто, напоминавшее чулок на шпильке. – Тянется на любую ногу.

– Шпилька? – растерянно проныла Сима, пугливо подняв взгляд на Зою.

– Шпилька, – сурово подтвердила Чугунова. – Давай не ерпенься. Или боишься завязнуть в асфальте?

– Я не умею на шпильках. Зима как-никак. Шею сверну на льду, – оправдываться при постороннем мужике не хотелось. Хоть бы ушел он уже, что ли...

– Зима, – презрительно процедила Зоя. – Так что ж теперь, на коньки всем становиться? Меряй давай. Тебе пойдет, зуб даю.

– Да-да, – неожиданно поддержал тему усач. Видимо, ему хотелось хоть как-то завязать разговор, и он воспользовался первой же возможностью. – У вас такие потрясающие ноги, вам обязательно подойдет.

– У вас тоже ноги ничего, – не осталась в долгу Серафима. – Может, примерите?

Мужчина обидчиво затих.

– Знаете, – вкрадчиво подключилась к беседе Зоя, – у некоторых женщин в случае крайнего смущения включается защитный механизм в виде агрессии.

– Да, – подтвердила Сима, вытянув мощную гладкую конечность. – Я крайне смутилась.

Усач, словно загипнотизированный, смотрел на ее ногу, судорожно дергая кадыком. Серафима тоже залюбовалась, после чего рискнула натянуть предложенную обновку.

– Да уж, – вздохнула Чугунова. – Небось Италия?

– Италия, – кивнула Лиля, напряженно следя за Симиными манипуляциями по застегиванию «молнии». Ноги было много, а сапога – мало. – Девушка, вы осторожнее.

– Не, не натянется, – вздохнула Серафима.

– У них в Италии бабы сухие из-за температурного режима, вот они нормальные модели и не делают, – затараторила Зоя. – Но, Симона, я знаю точно: тебе нужен именно высокий сапог. Вот так и вижу тебя в мини-юбке и высоких черных ботфортах.

Усач шумно слотнул и отвернулся. Наверное, он тоже представил себе обрисованный пейзаж.

– Ботфорты не пойдут, надо просто сапог под коленку, – не согласилась Лиля. – Вот, попробуйте эти. Правда, не шпилька, но вам и не надо, быстро стопчется.

– Ты еще кому-нибудь так скажи – и обязательно схлопочешь сапогами, – предостерегла ее Чугунова. – Чегой-то стопчется-то? Скажи честно, что нет подходящей модели на шпильке.

– Не пререкайтесь, я не хочу на шпильке, я хочу на надежном каблуке, толстеньком, – строго подвела итог Сима. – Давайте эти, без шпильки.

– Можно пригласить вас на чашечку кофе? – просипел усач, когда Серафима, чрезвычайно довольная собой, потопталась в новых сапогах по картонке: обувка оказалась именно то, что надо.

– Во. Значит, идут тебе сапожки. Видишь, как мужчина оживился, – обрадовалась Зоя. – Красота, только росту в тебе теперь метр девяносто, не меньше. Хотя с такими габаритами плюс-минус десять сантиметров – уже не принципиально.

Удивительное дело, но сапоги Серафиму стройнили. Правда, общий вид портила Чугунова, отражаясь рядом на уровне подмышки. Да и продавщица, попавшая в зазеркалье, тоже не дотягивала Симе даже до плеча. Это пугало и нервировало. Нация мельчала, а где ж в таких условиях найти мужчину подходящих пропорций? А если не пропорций в смысле веса и внушительности, то хотя бы роста. Мужикам хорошо, на них спрос всегда был и будет независимо от размеров, а выбор высокой женщины ограничен...

Серафима задумчиво посмотрела на усатого, торопливо сворачивавшего шопинг и зашнуровывающего выбранные ботинки: «Интересно, а он мне по плечо или до уха дотянет?»

Удивительное дело, но резво вскочивший покупатель оказался одного с ней роста, правда, тощ он был до безобразия, да и усы, спускавшиеся до подбородку, его землистую физиономию не красили, навевая мысли о соплеменниках Тараса Бульбы. Но зато было приятно осознавать, что вероятность наличия на земле высоких мужчин не равна нулю, тем более что первый же встречный оказался вполне на уровне.

– Кофейку? – напомнил усач, пытаясь смотреть Серафиме в глаза, но постоянно утекая взглядом ниже. Сима даже знала, куда именно.

Серафима Разуваева очень хотела замуж. До дрожи в ногах и до спазмов в желудке. Чем яростнее мы стремимся к цели, тем дальше она от нас отползает. Еще никто и никогда не предлагал ей руку и сердце и не намекал на взаимообразный обмен. Мужчины иногда напоминали ей цыганок на вокзале, вероломно отхватывающих то, на что рассчитывали, и мгновенно исчезающих в толпе. Но Сима не просто хотела печь кому-то пироги, гладить рубашки и рожать детей. Она хотела любить и быть любимой. Замужество просто как акт гражданского состояния было ей не нужно. Нет, Серафима ждала вспышки, удара в сердце или чего-то похожего, когда вдруг понимаешь, что этот человек создан именно для тебя. Пару раз подобное происходило, но пока Сима разбиралась, вспышка это или так, блуждающий огонек на болоте, предмет страсти, как голодная мышь, выгрызал из мышеловки сыр и трусливо сбегал.

Сейчас у нее даже ничего не екнуло, лишь по поверхности сознания скользнула самодовольная мысль, что она понравилась. Ну пусть даже приглянулась она не как хороший человек, а как обладательница притягательных форм, но приглянулась же! Тем более что в актив помимо груди теперь можно было добавить еще и ноги. Ноги на каблуках и ноги в тапках – это две совершенно разные вещи, не имеющие ничего общего.

– Я кофе не пью, – извиняющимся тоном Серафима пресекла дальнейшие попытки к сближению.

– А что-нибудь покрепче? – не унимался дядька. Наверное, тяжело осознать, что тебе отказывают, поэтому доходит смысл сказанного не сразу.

– С кем-нибудь покрепче, – хохотнула Чугунова. – Симона, ты королева. Ежели б тебя еще поярче накрасить и причесать, цены б тебе не было в базарный день!

– Не все сразу. Зарплаты не хватит, – вздохнула Сима. Удержаться от трат было невыносимо сложно, обновляющийся образ хотелось довести до максимально возможного совершенства: стать блондинкой с приличной стрижкой. Что может остановить женщину, вышедшую на тропу трат? Только кража кошелька. Но у Симы все было проще: оставшихся денег в обрез хватило бы до конца месяца, поэтому пришлось ограничиться сапогами.

– Как ты его отбрила, – восторгалась Зойка, пока они шли к выходу. – Молодец, так их. У тебя кто-то есть?

– Тебе соврать?

– Ясно. Но ты не расстраивайся, чем дольше ждешь, тем выше шанс.

– Я, Зой, выросла уже выше всех мыслимых и немыслимых шансов, – вздохнула Сима. – Мой шанс скачет где-то в баскетбольной команде. И не исключено, что в африканской. Ладно, спасибо тебе. Я пошла, бабуля волнуется.

– А у меня новый мужчина, – остановила ее Чугунова. – У него друг есть, рослый такой. Не хочешь вечером в гости зайти?

– А мужчину твоего как зовут?

– Гоча.

– Ясно. Спасибо, Зоенька, но я вечером не смогу.

– Ничего тебе не ясно, – надулась Чугунова. – Они знаешь какие темпераментные, не то что наши. И женщин уважают, и щедрые, и вообще...

– Как в кино, – подсказала Сима. – Ты извини, но мне Алика хватило.

Зоя покраснела и махнула рукой. Она не любила, когда подруга вспоминала эту историю. А вспомнить было что.

В очередной раз познакомившись с «гарным хлопцем» откуда-то с юга, Чугунова решила ошастливить подруг, так как хлопец проживал не один, а с целой бригадой соплеменников: молодых, здоровых и веселых. Инге повезло: она в тот момент отдыхала с родителями на море, поэтому счастье познакомиться с Фариком и Аликом выпало лишь Серафиме.

– Фарик мой, – строгим шепотом предупредила ее Чугунова.

Сима, как раз недавно расставшаяся со своей первой любовью, оказавшейся по результатам общения ошибкой, легко согласилась на вечер в приятной компании.

Алик был высок, чернобров и напорист до такой степени, что умудрился напоить Серафиму и перейти в фазу близких отношений в предельно сжатые сроки. Темперамента его хватило на то, чтобы сломать Чугуновой диван и произвести на Симу неизгладимое впечатление. Дело было еще и в том, что ее первая любовь и первая ошибка был человеком крайне деликатным, интеллигентным и физически слабым, тем разительнее оказался контраст. Алик засыпал ее цветами (благо ими же и торговал днем), пел под балконом, в общем, устроил Серафиме целую неделю девичьих иллюзий. Остановить ее было некому, бабушка возделывала на даче огород, понадеявшись на внучкино благоразумие и оставив ее стеречь квартиру.

Оборвалось все трагически и внезапно, когда Сима уже начала робко представлять себя в белом платье. Однажды утром, когда Алик собирался на работу, в дверь позвонила мрачная худая брюнетка в цветастом платье, золоте и с черным платком на голове. Гортанно прокричав нечто на неизвестном языке, тетка ворвалась в квартиру и набросилась на Алика. Они долго дрались и орали друг на друга, после чего Алик, прижимая к груди одежду, в одних трусах проскакал мимо Серафимы и зашлепал босыми пятками по лестнице, бормоча на ходу ругательства неизвестно в чей адрес. Дурой Сима не была и поняла все сразу, но цивилизованно решить вопрос не вышло. Соплеменница, явно бывшая женой вероломного южанина, расцарапала Серафиме лицо и выдрала клочок волос. Урон был нанесен лишь за счет внезапности нападения, уже через минуту Сима сориентировалась и дала сдачи. Зойка долго путано объясняла,

что ничего не знала, извинялась и пыталась лечить повреждения жеваным подорожником, жуя его на глазах жертвы и норовя налепить на свежие царапины.

Придя к выводу, что менталитет мужчин с рынка ей категорически не подходит, поскольку вступает в антагонизм с ее морально-этическими принципами, Серафима решила в поисках счастья к Зойкиной помощи более не прибегать. Во всяком случае – в части знакомств.

Из магазина домой Сима вернулась на подгибающихся ногах. С непривычки ломило спину, ныли икры и что-то подозрительно похрустывало в коленях. Красота требовала непомерных жертв. Правда, у подъезда Серафима столкнулась с соседом Юрой Востриковским, когда-то учившимся с ней в одной школе, но года на три младше. В старших классах Юра подсовывал ей в почтовый ящик записочки и вялые цветочки с клумбы, украшавшей двор и бдительно охраняемой местными пенсионерками. Потом он куда-то делся, затем вернулся с голенастой девицей, которая вскоре пропала, а Востриковский снова начал краснеть при встречах с Серафимой. Внимание мужчины творит чудеса. Пусть даже он младше и не интересуется как кавалер. Сима томно улыбнулась, напрочь забыв про больную поясницу и гудящие ноги, и начала подниматься впереди Юры, чувственно поваливая бедрами. Востриковский полз сзади молча, видимо в предынфарктном состоянии.

– Как жизнь? – неожиданно нарушила молчание Серафима, перепугав впечатлительного кавалера. Юра затравленно вытаращил глаза и нервно кхекнул, изобразив шеей некое волнообразное движение, символизировавшее полное благополучие и превосходство над проблемами. Из звукового оформления Востриковскому удалось только тяжелое короткое мычание.

– Ну и молодец, – подбодрила его Серафима. – Заходи, если что.

Юра дернул головой и что-то сипло кукарекнул. Вероятно, соглашался зайти «если что». Защелкнув замок, Сима вдруг вспомнила, что именно так общались в мультике пес и волк. Всхлипнув от хохота, она плюхнулась на стул.

– Сима, ты там плачешь? – тревожно крикнула из кухни бабушка.

– Ржу, – с трудом выдавила Серафима и снова зашла в приступе веселья.

– Ты нас отвлекаешь. – Анфиса Макаровна недовольно выглянула в коридор. – Перестань хихикать, весь настрой сбила.

– Вас? Отвлекаю? У тебя наметился очередной тет-а-тет? Бабуля, не пугай!

Последний старый пират, дребезжавший в бабушкину честь песни сомнительного содержания и неумеренно поглощавший алкоголь из семейных запасов, получил отставку еще перед Новым годом, поскольку заснул на лестнице, опозорив возлюбленную перед соседями. Анфиса Макаровна предпочитала не выносить личную жизнь на публику, хотя публика с пронизательностью Штирлица отслеживала бабулину жизнь и суммировала разведанные. Анфиса Макаровна была загадочна, странна и своей активностью пугала местный старушечий бомонд как НЛО. Бабки шептались и не одобряли.

– Бабуль, у нас мужчина? – игриво шевельнула бровью Серафима.

– Бестолочь, – бабушка беззлобно махнула рукой.

– Симочка, добрый вечер, – каркнул знакомый старческий голос из глубин квартиры.

«Не мужчина. И это не может не радовать. Кто-то из сподвижниц», – облегченно выдохнула Серафима. Лучше уж всякий наивный оккультизм и очередная хиромантия, чем деда, хитро косящие глазом и пересказывавшие книги про пионеров-героев от первого лица. Они требовали уважения, еды и крова. Ради бабушки Сима терпела, но каждому разрыву отношений радовалась как последнему.

Ничего нового на этой земле еще не придумали. Удивляться не приходилось: сегодня в программе было общение с духами. Сима бабушкины чудачества принимала как данность: Анфиса Макаровна всегда тяготела к чудесам и мистике.

– Симочка, как ты выросла, как похорошела, – робко навела мосты бабулина гостя, Маргарита Дормидонтовна. Она стеснялась сомнительной затеи и робела в присутствии нового лица. Свекольный румянец на старческих щечках наводил на мысль о тайне, которой не хотелось делиться. Наверное, бабушка вновь затеяла аферу с потусторонними силами.

– Марго, не отвлекайся. – Анфиса Макаровна сосредоточенно водила листом бумаги перед тощенькой свечой. Огонек на верхушке истерично дергался, расплавленный воск стекал в блюдце с сушеным горохом, у соседей надрывался тяжелый рок, за окном повякивала автомобильная сигнализация, на столе перед двумя напряженно замершими бабульками белела свежая брошюра – таковы были реалии колдовства в двадцать первом веке.

На цыпочках прокравшись мимо, Сима заглянула в сковороду – пусто. Пустая тара – еще не трагедия, если ее есть чем заполнить. Например, омлетом или вчерашней вареной картошкой, которую можно разжарить на масле, покрошив лука и чеснока... Поперхнувшись слюной, Серафима тихо чавкнула дверцей холодильника.

– Александр Сергеевич, потухнет ли солнце? – медленно и трагично провыла бабушка.

«Не иначе – Пушкин в гостях», – умилилась про себя Сима и мысленно попросила у великого поэта прощения за плотское стремление к чревоугодию.

– Вот, сказал, что потухнет, – удовлетворенно и уважительно констатировала Анфиса Макаровна.

– Александр Сергеевич, солнце потухнет не скоро? – продолжала испытывать судьбу бабуля.

– Уф, – облегченно захрюкала Марго. Надо полагать, что поэт не настаивал на скором конце света.

Серафима заинтересованно уставилась на стол, пытаясь угадать, каким образом дух общается с пенсионерками.

– Спроси что-нибудь менее глобальное, – умоляюще шепнула Маргарита Дормидонтовна. – А то у меня давление подскочило.

– Александр Сергеевич, я выйду замуж? – речитативом проныла бабушка.

От неожиданности Сима выронила сковороду, и та, прогремев набатом, прокатилась по полу. Бабулины планы ужасали своей целеустремленностью и неотвратимостью.

Старухи дружно взвизгнули.

– Извиняюсь, – пробормотала Серафима. – Есть очень хочется. Устала, оголодала, не удержала. Надеюсь, Пушкина это не особо напугало.

– Почему сразу «Пушкин»? – возмутилась Анфиса Макаровна. – Может, мы с Грибоедовым общаемся или с Даргомыжским.

– Тогда я оптом извиняюсь перед всеми, – покладисто согласилась Сима, с неудовольствием глядя на натюрморт. Даже если и удастся согреть ужин, есть все равно негде. Вряд ли великие потерпят картофельно-чесночный дух, а бабушка сейчас готова тигрицей отстаивать их интересы. Тем более что столь животрепещущий matrimonialный вопрос так и остался не решен.

Сима деликатно удалилась, но терпения и воспитания хватило ненадолго. Через полчаса желудок сжался от голода и начал выводить такие рулады, что пришлось еще раз нарушить спиритический сеанс. Под восторженные «охи» пенсионерок после вопросов «есть ли шанс у Марго найти приличного мужчину с домиком и участком», «уволят ли депутата, который не реагирует на жалобы», «скоро ли поднимут пенсии», «начнет ли ЖЭК менять трубы» она ворвалась в кухню и предложила сразу перейти к основному вопросу, волнующему человечество: построят ли коммунизм.

Маргарита Дормидонтовна подобострастно хихикнула, а бабушка снисходительно поморщилась:

– Дуреха ты моя. Коммунизм – это плохо продуманная теория, которую невозможно осуществить на практике. Хочешь, мы лучше спросим, скоро ли ты замуж выйдешь?

– Не хочу, – испугалась Серафима, явственно представив, как из загробного мира донесется зловещий хохот и будет выплюнуто решительное «нет». – А почему горох в тарелке? Это что, новая технология?

Бабушка купилась и отвлеклась от скользкой темы внучкиного замужества:

– Ты представляешь, мы с Марго решили сегодня сходить на лекцию в ДК про лунный календарь. Ее так интересно анонсировали...

Бабушку, как обычно, унесло в дебри лишних подробностей. Под неспешное повествование, причудливо перескакивающее с астрологических высот то на обсуждение нравов нынешней молодежи, то на размышления про взаимосвязь между хамством и зарплатой кондуктора, Серафима с вожделием посыпала картофель луком, сдабривала чесноком и возила лопаткой по шкворчащей сковороде. Острое чувство счастья и щемящее предвкушение вкуснейшего ужина переполняли Симу, как закипающее молоко, грозя с аппетитным шипением выплеснуться наружу.

– ... мы с Марго решили выбрать чулки. В конце концов, женщина не перестает быть женщиной даже после смерти. И запомни: мне не все равно, в чем я буду лежать в гробу. Не халат какой-нибудь, а выходное платье. А то я на том свете буду опозорена на всю жизнь. Все будут как люди – в вечернем и парадном, а я как нищенка. Платье, чулки, туфли – все по высшему разряду.

– Так вы чулки на похороны покупали? – бестактно уточнила Серафима.

– Не дожدهшься! – хехкнула Анфиса Макаровна. – Мы их еще и тут поносим. Да, Марго? Кстати, Марго купила себе колготки сеточкой. Сима, тебе надо это видеть. Уверена – тебе бы пошло, ты девушка крупная.

Серафима ошарашенно уставилась на Маргариту Дормидонтовну, пугливо прятавшую сухонькие старческие ноги под стул. Увидеть удалось лишь костистые коленки, обтянутые черной паутинкой сетчатого капрона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.